

Е. А. Киселева. „Деревенские дѣлушки“.
(Музей Имп. Акад. Худ.).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петербург, Москва, Варшава, Харьков, Николаев, Ростов н/Д, Рига.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 8.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

20 АПРѢЛЯ 1914 г.

Замокъ „Фальзъ“ свѣта. князя Г. П. Волконскаго; построенъ архит. Штаненъ-Шнейдеромъ. Заложенъ въ 1824 году.
(Со старинной автографы).

„Ф А Л Л Ъ“.

10

• • •

A black and white photograph showing a stone bridge spanning a river. The bridge has a simple, flat design. In the background, a church spire is visible through the trees. The river is rocky, and the banks are lined with dense foliage.

... «Львовский мост», — прекрасное сооружение, весь на воздухе и только концами упирается в берега: он весь легкий дубовый, а под дугой правой ауты, который, как бы стянута юзом. Император Николай I сказал: «Львов перешел на свои смычки через реку».

Настоящие "экспромпты", не оставляя без внимания событий литературных и общественных, сыплются экспромптами направо и влево, припадая чуть не к каждому событию из своей повседневной жизни. Положительно неистощимым в этом отношении был покойный М. В. Шевляков. Нужно ему, например, отправить письмо другу, адрес которого он знает только "определяемо"—он пишет на конверте:

Найти адресата просто:
Мойка, у Красного моста,
Здание воспитательного дома,
Квартира зюкова.

Даже перед смертью он сочинял экспромпты и правдоподобно двадцатипятилетие своей литературной деятельности А. Е. Запину посвящал телеграмму:

Тебя, мой друг Андрей,
Я с юбилеем поздравляю
Смогу на жизнь борзды,
А ж, борзды, удержу...

Среди лишь с легкостью сочиняющихся стихов, по поводу чего бы то ни было, в большом ходу поэтическая игра, называемая "бурами" (*bouris rimés*). В. в. них припрятано того, как

удачно выпутывались иногда поэты из затруднений в таких случаях, приводя два четверостишия. В первом случае заданы были рими: "отшельник", "затворник", "понедельник", "затворник". А. Будинский написал:

"Сядь отшельник,
Нмой затворник,
Пись в понедельник...
Да я во вторник".

Еще более трудную задачу с легкостью разрешал покойный В. Лихачев. Римованные концы были "ключи", "спички", "очки", "свинок". Создать комбинацию из этих, мало подходящих общего слова, казалось невозможным. Но Лихачев ухитрился написать такое четверостишие:

"Жизнь истерзала блягу из ключи,
Рыбца моя исподил, как свинки,
Тусклым око глалет свинки око,
И не потерял из любви-свинок".

Как читатель видит, для мастеров области экспромпта слова, "невозможно" не существует.

Бенедикт.

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(См. № 1 "Столица и Усадьба" статью А. А. Столыпина).

Хочу дополнить несколькими строками воспоминания о Лермонтове и Монго.

Алексей Арк. Столыпин (Монго), дворянский брат Лермонтова, известный красавец, был в 50-х годах прошлого столетия вице-президентом Московского Скакового общества. Его брат, Дм. Арк. Столыпин, был также вице-президентом того же общества в 1877—78 гг., а пишущий эти строки заимчивал на этом посту Дм. Арк. Отъ него я и слышал многое, касающееся семьи Столыпиных, семья очень уважаемой в Москве. Всѣ Столыпины того времени, какъ, впрочемъ, большинство старинныхъ баръ, а таковыми были Столыпины, принимали живое участие въ скаковомъ дѣлѣ Россіи. У нихъ были прекрасные конские заводы. Очень образованные, — сколько-нибудь я ни зналъ Столыпиныхъ, — хотя многие изъ нихъ были чудаками. Вотъ что мнѣ рассказывалъ про брата своего, Дм. Арк. Вспоминаю слова о Монго, его братѣ:

"Когда Монго занемогъ (обнаружились первые признаки чахотки) онъ сталъ проситься за границу. Императоръ Николай Павловичъ очень неохотно давалъ заграничные паспорта, особенно гвардейскимъ офицерамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: послѣдовалъ отказъ. Тогда Монго отправился къ графу А. Ф. Орлову, которого считали всемогущимъ, и сталъ черезъ него просить заграничный паспортъ.

"Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я могу что-либо сдѣлать?"

Отвѣтилъ брату гр. Орловъ: — "Очень ошибаетесь, я ничего не могу, меня не послушать". А вотъ кто все можетъ! Вы удивитесь! Это докторъ Мантъ (лейб-медикъ Государя), онъ одинъ все можетъ. Побѣждайте къ нему, и если Мантъ согласится, проситъ Государя и дастъ удовлетвореніе нашей болѣзни, вы немедленно получите заграничный паспортъ..."

Монго такъ и сдѣлалъ, и черезъ три дня ухаживалъ въ Италию. Про Манта говорили, что въ немъ было что-то мефистофельское, демоническое, такое, что

позволялъ людямъ поддаваться его внушенію. Народная молва приписывала ему смерти Николая Павловича черезъ отравленіе якомъ. Это, конечно, было невѣрно, но народъ хотѣлъ учинить надъ Мантою самосудъ, такъ что его ночью вывели изъ Петербурга за границу тотчасъ послѣ смерти Государя въ 1855 г.

Гр. Алексій Павл. Бобринскій былъ спиритъ. Онъ рассказывалъ, что однажды во время сеанса онъ почувствовалъ вдругъ сильное рукопожатіе и узналъ въ немъ руку Монго, съ которымъ былъ друженъ, и рукопожатіе котораго хорошо зналъ. Графъ увѣрялъ, что заимчивалъ тогда же часъ, въ который это случилось; оказалось, что это совпало именно съ часомъ,

въ который скончался Монго во Флоренціи (или другомъ городѣ Италіи, вѣрно не помню).

Мнѣ пришлось уже писать на страницахъ "Новаго Времени" о смерти Лермонтова; моя мать (рожденная Бибинова) близка была съ барышнями Мартыновыми, у которыхъ Лермонтовъ часто бывалъ; это были сестры Ник. Соломона. Мартынова, убиившаго на дуэли Лермонтова. Изъ за сестры его и была дуэль. Но я не буду повторять объ этой несчастной дуэли, и такъ много писано было лишняго... Одно только общезвѣстно, что у Лермонтова былъ несносный и неровный характеръ. Онъ былъ влюбленъ въ одну изъ сестеръ Мартынова, очень красивую. Можетъ быть, онъ только прикидывался влюбленнымъ, но она-то полюбила поэта... Ужъ-таки на Кавказѣ, Лермонтовъ пріѣхалъ къ Мартыновымъ прощаться и, очень растроганная, Мартынова со слезами проводила Лермонтова до парадной лестницы изъ квартиры. Самъ Лермонтовъ тоже казался вполнонаннымъ, печальнымъ, но, сойдя нѣсколько ступеней, онъ вдругъ обернулся вгрюнко захохоталъ прямо ей въ лицо: оставилъ на лестницѣ ошеломленную этой выходкой Мартынову, онъ быстро сбѣжалъ внизъ и скрылся, ничего больше не сказавъ.

Всѣ были въ недоумѣніи отъ этой дикой выходки.

Князь Д. Д. Оболенскій.

Последній портрет
"Монго" Столыпина.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПАРИЖѢ.

Маргарита Карловна Извольская,
 рожденная графиня Толь.

Александръ Петровичъ Извольскій
 въ своемъ кабинетѣ.

Одна изъ гостиныхъ въ домѣ
 посольства—79 rue Grenelle.

Садыкъ во дворѣ посольства.

КОРЕИЗЬ И КОКОЗЬ.

Ихние Корензь кн. Ф. Ф. Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстонъ, въ 12 верст. отъ Ялты.
Ихние Кокозь—домъ кн. ихнихъ Кокозь близъ Бахчисарая (принадл. также кн. Юсупову).

Большой дворецъ съ многочисленными террасами построенъ на возвышенности, окруженной кипарисами и пальмами; нижняя часть стѣнъ скрыта выходящими розами. Въ большомъ паркѣ—пять склянокъ прудовъ, въ которыхъ плаваютъ, белые и черные лебеди. Размѣрувъ

Коренза славится богатствомъ сортовъ. За паркомъ начинаются виноградники и сады винограда. Покойный Государь Александръ III и Государыня Императрица Марія Федоровна не разъ бывали гостями Коренза. Здесь жерфакъ гостить родственники и близкіе Юсуповыхъ, представители княжескаго шра, въ особенности офицера Кавалергардскаго полка, товарищи и одноклассники хозяина дома.

Въ старину ихние это принадлежало кн. Голицыну, который распродалъ его по частямъ. Отсюда кн. Юсуповъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, приобрѣлъ большую часть ихнихъ; оно перешло къ его старшему сыну, графу Ф. Ф. Сумарокову-Эльстону, женившемуся на послѣдней представительницѣ рода князей Юсуповыхъ, княжнѣ Зинаидѣ Ник. Юсуповой. Послѣ смерти, она послѣдней, кн. Бориса Ник. Юсупова, титулъ князя Юсупова перешелъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, къ гр. Сумарокову-Эльстону и къ его женѣ.

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

АКШУАТЬ.

Имя Акшутъ — въ 8 верстахъ отъ ст. Полнинова* Самарно-Бузуевской линіи Моск.-Казанск. жел. дороги, въ Корсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. Принадлежать губ. вредности В. Н. Полнинову. Большая старинная усадьба и село расположены въ живописной лѣсной мѣстности. Домъ двухъ-этажный съ флигелемъ по бокамъ, красиво поставленъ на горѣ надъ прудомъ; построенъ въ 1796 году ген.-маіоромъ Н. А. Чирковымъ.

Видъ дома изъ парка.

Акшутскій прудъ.

ковымъ, который получилъ Акшутскую вѣстину въ приданое за женою своею Е. П. Татищевой. Въ домѣ — собраніе картинъ, числомъ болѣе ста, среди которыхъ есть работы Худякова, Яковлева, Тропинина, Крыжвинскаго, Левитана и другихъ. Въ коллекціи автографовъ знаменитыхъ людей имѣется автографъ М. Ю. Лермонтова, посвященное его другу Н. Н. Полнинову. Библиотека, начало которой положено было еще Н. А. Чирковымъ,

Въѣздъ въ Акшутскій паркъ.

Музей въ паркѣ Акшуты.

въ настоящее время насчитываетъ до 6.500 томовъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Подъ горой большой тѣнистый садъ, гдѣ находится оранжерея и плодовый вѣтвиной ананасовъ. Въ оранжереѣ изъ красивыхъ уголкавъ сада построенъ музей въ стилѣ древне-греческаго храма; въ немъ помѣщены

Идеаль, найденный въ саду и поставленный въ паркѣ Акшуты.

ты и этной старины и результаты археологических раскопок в А. Н. Позинава. Сель славится сь сосновым парком, пространствъ 85 десятинъ расчищены дорожки и устроены липовники. 30 лѣтъ владѣлецъ Акушата занимается обѣсѣненіемъ пескомъ и неудобныхъ земель. За это время здѣсь, и въ другомъ мѣстѣ, засажена площадь до 500 десятинъ, на которой прекрасно растутъ молодой сосновый лѣсъ.

Акушата — помѣстье, жалованное Петромъ I роду Кудрявцевыхъ.

Имъ владѣли Татищевы, Черковы и съ 1813 года онъ перешелъ въ родъ Позинава.

30 съ лѣтнимъ лѣтъ шумно празднуется въ Акушатѣ 15-ое июля, день Ангела владѣльца. Къ этому дню обычно собираются до 50 и болѣе гостей, устраиваются спектакли и подъ звуки военного оркестра происходитъ непринужденное веселье. Въ этомъ уголку, одномъ изъ многихъ, расчистанныхъ на необъятномъ просторѣ нашего отечества, живы еще духъ и традиціи помѣщичьего быта...

ВЪ ТРЕХЪ СТАРЫХЪ УСАДЬБАХЪ.

Много было наговорено зла про помѣщичьи усадьбы. Но въдъ вся глубина русской культуры вышла отсюда.

Назовите въ литературѣ типы мыши и свѣтлые тѣла, что сложились здѣсь и вылились въ образахъ Пушкина, Тургенева, Толстого? Сами эти люди не были ли во многомъ и въ лучшемъ своемъ дѣтвомъ русской деревни?

Въ старыхъ усадьбахъ есть какая-то правда, какой-то свѣдъ благоухающихъ мыслей, тотъ неизлечимый налетъ, что даетъ одно чувство "былое", "прошлое"; въ нихъ притаилась и тихо входитъ въ душу какая-то грустная и чистая поэзія.

Еще до начала усадьбы въ насъ возникаетъ одобрительное отношеніе ко всему, что намъ предстоитъ видѣть.

Дорога безъ ухабовъ, чернѣющая со всѣхъ сторонъ лѣса, принадлежащая экономіи, бережная роща. Поля отдѣлены отъ дорогъ стѣной молодыхъ елей, — и влагу держать, и тѣнь давать, и зимой не собьешься.

За поворотомъ прудъ, на берегу большой скотный дворъ, прочный, съ кирпичными столбами, и поодаль сыварня. Вотъ большая березовая роща, и въ ней просьба къ дому.

Длинный деревянный домъ, съ верхнимъ полуэтажомъ, съ цвѣтникомъ спереди, а съ другой стороны Сѣни расширяетъ густая.

Огромный, запущенный садъ, Приютъ задумчивыхъ дриадъ.

Чай на открытой террасѣ, къ которой подходятъ за приказаніями приказчикъ, старшій кучеръ, садовникъ, баба, снимающая лужокъ.

— Ну, ты сама посуди, Матрена, какъ же можно такой лужокъ тебѣ дать исполу. Бери изъ третьей части.

Знаете ли вы эти широкіе сады, гдѣ деревья, ни разу не тронуты ножицами, росли въ свою волю, и всѣ вмѣстѣ, съ полянками, дорожками, затѣнушимися зеленою, обрывомъ надъ рѣчкой и одиночными скамейками, изгородью, отдѣляющею этотъ "приютъ дриадъ" отъ промысловаго фруктоваго сада, пасѣчкой, съ просвѣтами и тѣнями, — все слилось въ одно живое задумчивое существо, къ которому вы сочувственно и робко приглядываетесь, когда оно допуститъ васъ къ себѣ?

Сходили ли вы по веселой крутизнѣ къ свѣтлой рѣчкѣ, и съ плота бросались ли въ воду, то броди ногами по ровному песку, то подплывая къ крупнымъ кашекамъ лилий на ихъ зеленыхъ привязяхъ?

А потомъ, сидя въ тѣни, чтобы не потерять свѣжести отъ купанья, слышали ли рассказы о жизни и владѣльцахъ этой усадьбы, бродили ли по старымъ высокимъ комнатамъ съ милою мебелью красного дерева, съ ея почтенными выгибами, съ портретами прошлыхъ людей, съ бронзой и другими нещами, десятилѣтне не покидающими своихъ мѣстъ?

А тамъ завтракъ съ янтарнымъ масломъ въ хрусталѣ, съ картофелемъ въ каструлькѣ, съ ярко зеленымъ укропомъ, съ густымъ пѣночнымъ вареньемъ.

Иванъ Чертомино, Тверской губ.
Графиня Софья Серг. Никитиной.

Подана тройка. Вдѣмъ.

Сперва каменная новенькая церковь, выстроенная хозяйкою имѣнія съ ея покойнымъ мужемъ. Потомъ поодаль старый погостъ съ деревяннымъ храмомъ. Тамъ наивные со свѣтлыми промахами образа, а снаружи четыре бѣлыхъ колонки на свѣтло-желтой окраскѣ придаютъ церкви такую романтичность, что вспоминаешь свадьбу Полины изъ "Рославлева".

Отъ церкви возвращаемся къ сываренѣ, къ которой только-что пристроено помѣщеніе для инкубатора.

— Надѣюсь, — говоритъ хозяйка, — въ этотъ годъ имѣть до тысячи выведенныхъ куръ. Только съ этой цифры начинается выгодность.

Черезъ дорогу куринный паркъ, гдѣ выращиваются цыплята. Домики съ крышами для самыхъ маленькихъ, побольше гуляютъ въ кустахъ. Всюду легкія проволоочные сѣтки.

— Это дѣло съ большимъ будущимъ, — говоритъ хозяйка, — если его широко развить.

Любителю куринаго царства трудно оторваться отъ этой здоровой, живой и крикливой птицы, черная, бѣлая, палевая, рыжая оперенія, отъ горделивыхъ пѣтушковъ съ забавнымъ домомъ голозомъ, теплыхъ, крохотныхъ птенчиковъ съ голыми видомъ и раскрытыми клювами, и подрастающихъ хлопотливыхъ курочекъ.

А надо ѣхать, чтобы засвѣтло попасть въ другое имѣніе съ винокурнымъ заводомъ.

Хозяйка перекидывается словами во встрѣчныхъ деревняхъ съ мужиками и бабами, которыхъ всѣхъ знаетъ по именамъ, со всѣми ихъ обстоятельствами, рассказываетъ о томъ, какъ въ прошломъ году сдѣлала, наконецъ, планъ лѣсного хозяйства и опредѣлила ежегодный доходъ съ лѣса, и какъ досталось имъ то имѣніе, куда мы ѣдемъ.

— Владѣлецъ умялетъ купить. Мы оба съ мужемъ молодые были. Если не купите, говорить, ничего имъ не останется, съ аукциона пойдутъ. А съ тѣхъ поръ во сколько разъ повысилась цѣнность земли.

Подъѣзжаемъ къ церкви.

— Послѣдняя забота мужа была обо мнѣ отъдѣлкѣ этой церкви. Весь иконостасъ новый, а старшій теперь стоитъ въ одной изъ каменныхъ церквей.

За селомъ усадьба. Домъ двухэтажный въ колоннахъ, каменный, фронтонъ, надъ окнами вѣнчики — милый деревенскій стрѣгъ благородной формы; такіе просторные, высокіе ложи внутри. Но прошлаго года нѣтъ и слѣдовъ: потоки замасаны бѣлымъ, поли досчатые; библиотека и школа, да жалые служившіе на заводѣ.

А какъ укоръ и плачь по прошлому, поодаль отъ дома два престыжныхъ ампирихъ фангеля, и за однимъ изъ нихъ темный садъ.

— Эхъ, гдѣ вы, разочарованные статскіе, сѣдые и шумные гусары и барышни съ томикомъ Пушкина въ рукахъ, и дородная маманья, и партнеръ за ломбернымъ съ дорогой деревенной инкрустацией столомъ, и оживленіе отъѣзжаго поля?

всѣмъ дали въ жизни вышибить вѣсть изъ род-
гайда?

Мы на заводѣ, пріютившемся подъ горкой, словно
стыдась стараго дома, важнаго и строгаго и въ уни-
чиженіи своемъ. Я дивлюсь на хитроумныя приспособ-
ленія, превращающія груды нематаго картофеля
въ жгучую влагу...

Куда милѣ длинная комната съ инкубаторами и
сыроварни и плаваѣ льснова хозяйства!

Эти высокія грубы, эти хитроумныя приспособленія
для гонки своего спирта и ректификаціи чужой при-
вонимой сюда прокатной влаги, съѣли въ моихъ гла-
захъ красоту окрестностей, проникая все каменъ-то
тупымъ и гнѣмымъ отчаяніемъ.

Я вспоминаю, какъ въ одной знакомой семьѣ
крупныхъ саратовскихъ помѣщиковъ задумали строить
винокурный заводъ. Тогда жена помѣщика объявила,
что навсегда убѣдетъ изъ ямбійя, и тѣмъ спасла его
отъ оскверненія.

*Нѣволье *.*

Я подѣхалъ къ усадьбѣ верстахъ въ 200 отъ
Москвы посѣлъ быстрой сорокаверстной ѣзды на ло-
шадяхъ и засталъ все общество на тѣнистомъ полу-
островѣ между двумя прудами. Пили чай.

Вскорѣ гости, земскій начальникъ съ женой, жив-
шій недалеко, предводитель и предсѣдатель управы,
ушли, и хозяинъ повелѣлъ меня осматривать усадьбу.

Мнѣ менѣ нравятся въ деревнѣ громадныя ка-
менные дворцы, чѣмъ эти уютные дома въ семь или
десять оконъ по фасаду, построенные семьями, кото-
рыя, умиа жить со вкусомъ, обладали только сред-
нимъ достаткомъ.

— Какъ славно, — началъ я, — что ты сюда вер-
нулся.

— Ужъ такъ я радъ, — оживленно сказалъ онъ, —
что могу выкупить Мишино. Если бы пала была жизнь!

Мишино было одно изъ незначительныхъ ямбійя
отца хозяина, стараго графа, очень крупнаго помѣ-
щика, не сохранившаго свои земли. Около Мишина
была церковь, которую старикъ выстроилъ надъ
своимъ отцомъ; и онъ самъ далъ своему отцу слово,
и со своего сына взялъ слово — всѣмъ лечь вмѣстѣ
подъ Мишинской церковью.

Я вспоминаю стараго графа, величественнаго па-
триарха, въ молодости не знавшаго конца своимъ при-
хотямъ, а въ старости охваченнаго одною страстью —
любовью къ сыну отъ поздняго брака... Какъ инте-
ресны были его рассказы, восходящіе до временъ
Екатерины, такъ какъ онъ засталъ еще Екатерины-
ныхъ стариковъ, о Лермонтовѣ и Пушкинѣ, объ охот-
тахъ съ Александромъ! Вторымъ и бесѣдахъ съ нимъ.
Самъ онъ въ шестьдесятъ лѣтъ ходилъ на медвѣдя
съ рогатиной. А каковыя изумительныя яркія рус-
скія языкомъ онъ говорилъ!

Въ просторныхъ высокіхъ комнатахъ только въ
одной была прежняя мебель, все остальное было
новое. У террасы съ произвильными криками бѣзо-
нурый здоровый мальчикъ менѣ трехъ лѣтъ, зали-
ваясь смѣхомъ, увертывался отъ одѣятаго въ паруси-
нную лифрейку-тузюрку камердинера отца, солдата
того полка, гдѣ тотъ началъ службу. Солдатъ дѣлалъ
видъ, что не можетъ его поймать, и укоризненно при-
говаривалъ:

— Ваше сіятельство, да какъ же мнѣ вѣсть пой-
мать-то? Пожадуйте сюда.

А мальчикъ смѣялся еще хитрѣе и визжалъ, увер-
тываясь, еще громче.

Тутъ же почтенная няня передавала на руки мо-
лодой графини грудного ребенка — дѣвочку въ кру-
жномъ чепчикѣ, съ интересомъ оглядывавшуюся
вокругъ себя.

И этотъ семейный уютъ въ усадьбѣ, ушедшей изъ
рода и вновь въ нее возвращенной, какая была от-
радная картина!

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома была спускъ
къ глубокой и довольно широкой рѣчкѣ, а въ обѣ
стороны шли рощи старыхъ деревьевъ... Мы отошли
довольно далеко отъ дома, къ мѣсту прежней усадьбы.
Тамъ были алеи гигантовъ-липы и отдаленныя деревья,
достигшія необыкновеннаго развитія.

Пошли ловить рыбу въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка
вытея ужомъ по поемному лугу.

Солнца не было уже видно за пригоркомъ, покры-
тымъ сплошнымъ сѣвжымъ березнякомъ со шептави-
вшимися кое-гдѣ соснами. Въ скудномъ освѣщеніи
вечерняго дня темно стало спокойно блестящ
излучины рѣки. Раскидистыя вербы и прибрежныя
кустарники и высоко поднимающіяся разноцвѣтные цвѣты
некошеннаго луга, и самое небо съ неподвижными
градами розоватыхъ облаковъ — все отдыхало.

Засыпали и дальнее раннее поле, и чуть замѣтные
торчки одинокихъ деревьевъ. Жизнь означалась лишь
суеуго докучливыхъ комаровъ и успокоительными
криками перепела.

Ночью, послѣ ужина, мы ходили по кругу передъ
домомъ, и хозяинъ, съ которымъ я не выдѣлся долгіе
годы, рассказывалъ мнѣ свою жизнь за послѣднее
время.

— Когда я въ Манчжуріи одинокой умираю отъ
тифа, могъ ли я думать, что у меня будетъ семья,
такая жена, и что я съ нею заживу въ Мишино!

— Заживешь? — спросилъ я, зная, что большаго его
служба отпустила его сюда только на нѣсколько недѣль.

— Ну что-жъ! А все-таки мы сюда вроснемъ кор-
нями. Я завожу здѣсь хозяйство. Въ нашемъ бо-
льшомъ степномъ имѣніи нѣтъ усадьбы. А у родителей
жены имѣнія такъ великолѣпны, что я хотѣ показавъ
дѣтямъ скромную жизнь. Мишино будетъ нѣмѣмъ
дѣтямъ воспитательное значеніе...

Слѣдующій день было воскресенье. Мы вѣсели-
лись въ обѣдѣ въ большую свѣтлую веранду, гдѣ
лѣтъ назадъ я былъ на похоронахъ своего отца.
Мы спустились тогда подъ полъ и вѣселились
установившіе гроба, изъ которыхъ былаа жистъ и
остатки мунировъ.

Теперь полъ церковью была устроена пещера-
часовня съ однородными памятниками бываго
мира.

Дѣтей пріобичили и увезли. Пѣлъ прекрасно де-
ревенскій хоръ, устроенный священникомъ. Послѣ
обѣда спустились въ пещеру.

Я вспоминаю 85-лѣтняго стараго графа съ мо-
лодымъ до послѣдняго дня мозгомъ, и по портретамъ —
его отца съ прекраснымъ задумчивымъ лицомъ,
съ душой, сквозящей изъ тисковъ николаевской вы-
держки, и тестя этого отца, съ грозными насуплен-
ными бровями, строгаго хозяина. На памятникахъ
написано, что первый былъ губернаторомъ, а вто-
рой — губерньскимъ предводителемъ въ этой самой
губерніи.

Послѣ панихиды супруги стали говорить о рас-
ширеніи пещеры, чтобы всѣмъ заранѣе приготовить
мѣста.

Они были молоды, здоровы и полны надежды на
жизнь. Но они знали, что должны умереть, и безъ
страха думали о смерти.

Здѣсь была непрерывная цѣль существованій —
отъ пращуръ съ нахмуренными бровями до радостно
смѣящихся тамъ, въ обновленной усадьбѣ, прапра-
нука: все, признанное кое жизни и опредѣленное въ
свое время на призвы въ общую великую страну
неразрывныхъ соединеній...

Е. Пожогевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Браслеты и кольца ты тихо сняла,
Ты сбросила плеплущу шуршащій,
Упали ослы слъ младаго чела
На руки рабыни дрожащей...
Невольницы косы твои расплели,
Посыпали пудрой златою
И легкой стопой, чуть касаясь земли,
За мраморной скрылись стѣною...
Выходишь ты изъ темный загадочный садъ—
Сирийскіе пахнутъ нарциссы,
Спокойные пинии въ небо глядятъ,
Грустятъ задремавъ кипарисы...
И чертись узоры на бѣломъ пескѣ
Точеною тростью слоновой,
А я за мимозой стою вдалекѣ
Тая восхищенія слово;
И ближе къ тебѣ подойти не хочу—
Владычица Кипра, богиня,
Какъ въ храмѣ стою и недвижнѣ молчу
Предъ тайною вѣчной святости...
Безмолвной вѣсталою, голову склонивъ,
Уходишь межъ спящихъ азалій—
Темнѣе туника за вѣтвями ивъ,
Невнятиѣ шорохъ сандалій...
И я опьяненный прекрасной мечтой,
Закрывшись тяжелою тогой,
Шатаюсь иду торопливо домой
Знакомой и старой дорогой...

Княгиня А. А. Оболенская
(рожд. кн. Урусова).

Балъ у штабм. Гартонгъ.

Кирилл Дмитр. Нарышкинъ, баронесса Э. Р. Розенъ, графиня О. Э. Крейцъ, графъ Лазенгъ, Віра Ник. Гартонъ, Maria Ник. Гартонъ.

Граф. Е. В. Игнатьева (рожд. Охотникова), княг. де-Фосиньян-Люсизь и гг. Кингслидъ. Танцовали „Invitation à la valse“ Вебера у граф. де-Бернаи (въ Парижѣ).

И. П. Родзянко (рожд. Лазарева).
Къ ея блестящимъ выступленимъ въ вѣдомо-
свѣтскихъ спектакляхъ (между прочимъ въ ба-
летъ „Вѣкъ изысканій и вѣкъ мнужинъ“; въ
цѣлѣхъ парикахъ).

На балу у штазм. Гартонга—
„Invitation à la valse“, Баро-
несса Э. Р. Розенъ и графъ
Лаленъ (атташе бельгійскаго
вѣдѣтельства).

ЕЩЕ ОДНА ВЕСНА...

Еще одна весна. Ручьями съ горы
Вода журча бѣжитъ; уже съ полей
Послѣдній таить сибгъ. Вознухъ боръ
Шумить, и съ крикомъ страннымъ журавлей
Надъ рѣчкой стая протянулась внонь.
Въ поляхъ пѣвцовъ воздушныхъ хоръ гремитъ
И снова дивныхъ, тихихъ вечеровъ
Весеннихъ волшебство. Скорее свистить
Протяжно и задумчиво, въ лучахъ
Прощальныхъ солнца, провожая день,
Заѣда зажглась въ вечернихъ небесахъ,
И отъ березъ легла на поле тѣнь.
И ночь пришла такая же собой,
Какъ день — томительная, чуждая
Весны. И мѣсяцъ робкій, молодой
Поднялся надъ рѣкой, и скрытая
Проснулася жизнь почная. Полный думъ
Тревожныхъ, въ садъ заснувшій вышелъ я
Вздохнутъ вольный, послушать зтотъ шумъ
Ночной, забыться въ немъ. Крутомъ земля,
Пропитанная влагой, вся дрожа
Отъ наслажденя, точно въ полуснѣ
Блаженно лепетала. Съ горъ журча
Еще текли ручьи. И въ глубинѣ
Бездонной, безконечной, надо мной
Еще несмѣтные зажглись огни.
И внятно въ зтотъ поздній часъ лунной
Я понялъ жалкое больное души
Моей, безпомощной, убожество,
Я понялъ ночи чудную красу
И въ ней силу Божья, скрытыхъ многоствъ
И въ мѣрѣ жизни тайную чреду.

Гр. А. А. Толстой.

М. Э. Дерфельденъ, рожд.
Пистолькорсъ, въ египет-
скомъ костюмѣ.

М. Э. Дерфельденъ и М. П.
Лазаревъ въ египетскихъ ко-
стюмахъ; участовали въ на-
чествѣ исполнителей египет-
скаго танца на маскарадномъ
балу у гр. М. Э. Клейнмихель.
Танецъ зтотъ имѣлъ выдаю-
щійся успѣхъ.

ОБЪ ИСКУССТВЪ СЕГОДНЯШНЯГО ДНЯ.

Два течения господствуют в настоящую минуту в искусстве. Одно — рабскино retrospective, другое, враждебное ему, футуристическое, горизонты которого далеко впереди, в оцифки потустовства. Первое течение тянет нас назад къ предкамъ, къ искусству покойниковъ, къ освещеннымъ канонамъ, второе ринуть все старое и готовить почву для будущаго искусства, которое будетъ оцнено нашими правнуками: Гдѣ же искусство наше, гдѣ же искусство современное, гдѣ сегодняшняя радости и сегодняшнее наслаждение искусствомъ, отражающимъ нашу, именно нашу, а не будущую и не правнуковъ жизнь?..

Когда мы отучимся от этой губительной манеры пренебрегать, презирать, а, главное, не замечать минуточку настоящую, сегодняшнюю минуту, которая и есть реальная жизнь!

Выесто этого намъ предлагаютъ умиляться прошедшимъ или творить, что сейчасъ органически ненавистно намъ, ради той книжки, которая черезъ сто

Леонъ Бакста.

лѣтъ скажеть: „Да, они были правы, они предчувствовали наше, ихъ потомковъ, искусство“.

Да я не хочу этого! Меня вовсе не интересует, что через сто лет мой потомок оценит мое предвещающее обожание. А я хочу искусства сегодняшнего дня, для меня одного, для радостей моих и надежд, штыками и пальцами моих потомков я смýсю отъ всей души!

Эстетизм призывает нас признать, что только наши предки, что только покойники и умели делать настоящее искусство и что мы, бездарные потомки, должны жить искусством мертвых, если хотим вообще искусства вокруг нас.

И, посмотрите, что выходит: мы живем в прощайкошких зданиях, среди старинной мебели, обитую обделками материями, среди картин драгоценных, «патиною» или желтизною, мы смотрим в зеркала блеклые, тусклые, с очаровательными пятнами и ржавчиной, где еще можем разсмотреть свою позорную современную фигуру, нарядную по

плате изъ стариннаго куска матеріи. Право, ярые „пассионисты“, кажется, готовы были бы замѣнить и усовершенствованную англійскую гигиѣну чудесными, какъ они увѣряютъ, *chaises percées*, въ которыхъ, по ихъ увѣренію, столько прошлодѣтковаго очаживанія.

Я должен был столько прощупывать очарования. Удалось сознаться, что не могу отделиться от мысли, оставаясь в такой обстановке, что все, что вокруг меня, сфабриковано мертвецами для мертвецов и что я, современник, в сущности, инти (ити-руша) в этом почетном и красивом собрании произведений мертвецов.

Какъ вы хотите, чтобы я чувствовала себя современникомъ, чтобы я совершала живыя, добрыя дѣла среди искусства, которое все время лишь меланхолически поетъ, что все въ прошломъ?

Когда же мы избавимся от заразы „пассенизма“, прощловковья?

А теперь посмотрите на другой лагерь, лагерь смертельных врагов "пассеистов", на пресловутый футуризм. Все поставлено на карту на имя будущей оценки. Такое-же, одинаковое, как у пассеистов, презрение к сегодняшнему дню; глаз, устремленный к будущей книжке истории искусства, которая все поймет и все оценит. Произведения, пишущиеся для того, чтобы их впоследствии оценили. Сегодняшний день — это день "пока"; это день "не ожидания", величина не очень значительная, вот потомки — эти умники, они насладятся нашим искусством...

Но жить, я не хочу этого, я не хочу, чтобы мой сегодняшний день был лишь ступенью для «единственно подлинного, значительного завтрашнего дня»!

Когда наши часы или зеркало напоминают нам, что время несется с сатанинского быстроходом, оставляя в нас лишь сожаление о вчерашнем дне, — вот тут-то пробуждаются горькие и поздние мысли, что есть только одно важное время — настоящее, единственно значительная минута, сегодняшняя.

Эти минуты просветления очень горьки.

Но зато это самые мудрые и самые подлинные минуты нашего самосознания. В эти минуты мы видим себя во весь рост, такими, какими нас создала вселенная, путешественниками, один раз совершающими жизненный путь.

Эти минуты просветления поднимают до невторяной ценности значение сегодняшнего дня, сегодняшних радостей, сегодняшнего искусства. Они помогают нам восстановить равновесие в нашем мышлении.

Скажите же теперь намъ, гдѣ современное искусство, предназначенное исключительно для насъ самихъ, гдѣ искусство, которое намъ принесетъ наслаждение, насъ волнуетъ, возмущаетъ нашу душу?.. Кто чуръ будущихъ историковъ искусства, дайте намъ искусство, способное влиться мощною волною въ нашу жизнь, какъ квинтэссенція насъ самихъ и нашего времени. Гдѣ то искусство, не помнящее Аристофану сдѣлаться такимъ же гениемъ, какъ и Софоклъ? Намъ предлагать искусство мертвыхъ или работу для потомства.

У кого хватить смелости сознаться, что и прошлое и будущее для сегодняшней жизни представляется очень ненужною и малою цынностью, которая на весах человеческого счастья ничего почти не прибавляет?

Я, по крайней мере, не стыжусь сознаваться, что прошлое меня интересует чрезвычайно мало, но, главным образом, я чихать хочу (!) на будущее.

Dear Benjamen

Р. С. Стаття Бакста редакція съ zadovolystvіємъ поміщає,
по мнѣнію Бакста не єсть мнѣнію журнату.

Что же такое искусство данного дня? Видимо, это модернизм, кроме поклонником которого является Бакст. Но почему истинно красив модернизм, а не футуризм или пессимизм? Почему именно

верным есть исключительное искусство, которое доставляет изображение сегодня, а все другие направления в искусстве не доставят этого сегодняшнего наслаждения? А если старый, отточенный временем, прибушаный дианн корельской березы пусть больше, чем флюидный парик?..

Сейчас Бакст — один из наиболее популярных художников, спрос на него громадный. Рассказывают, что с восьмью часами утра к нему тешонга безпрестанно по телефону поклонники, интервьюеры асжурят часами у его дверей...

Бакст поставил несколько костюмированных балетов у графини Шуваловой, у Половниковой и других. Не только костюмы сделаны были по его рисункам, но и, создаваясь ими, мода на шифтные парики принята с полной готовностью. На балу все в шифтных париках — зеленых, лиловых, красных и даже золотых и серебряных.

О своем художественном средстве Бакст говорит: „Je suis un moderniste enragé“...

Рисунок
Л. Бакста
для сцены,
костюм Гор-
чевой —
„Восточный
костюм“.

КАКЪ ВЕСЕЛЯТСЯ ВЪ ИНДО-КИТАЕ.

Жизнь этой отдаленной колонии прекрасно описана Клодом Фареромъ, особенно въ его книгѣ „Les civilisés“.

Группа участниковъ „Персидскаго праздника“, устроеннаго русскимъ вице-консуломъ г. Рокъ въ г. Хайфонгъ (Тонкинъ) въ день тезоименитства Государя Императора. Среди присутствующихъ сестра нашего сотрудника Н. Н. (русская, замужемъ за французомъ).
Группа участниковъ „Персидскаго Праздника“—женая картина изъ „Тисяча и одной ночи“. Костюмы по рисункамъ самого г. Рокъ.
Снимки сделаны 6 декабря 1913 г.

Г. Рокъ, хотя и французъ, но празднуетъ ежегодно тезоименитство Государя, устраивая въ этотъ день какое-нибудь торжественное представление, балъ или обѣдъ.

Въ прошломъ году г. Рокъ принималъ у себя русскаго авиатора Кузнецова и устраивалъ его юбилейные вечера.

Пассажиры русскихъ пароходовъ, остававшіяся въ Хайфонгъ, пользуются всегда гостеприимствомъ нашего вице-консула.

„ФЭШОНЪ“.

(Разсужденіе не очень серьезнаго, но пріятнаго).

Мой благородный другъ сэръ Арчибальдъ Сейлтонъ изъ знаменитаго рода Сейлтоновъ, подарившаго Англіи выдающихся юристовъ, проповѣдниковъ и государственныхъ людей, любитъ повторять еще до сихъ поръ слѣдующій афоризмъ: „Элегантность въ вѣщности и въ мысляхъ, умѣнье владѣть собой и прожитая любовь „играть въ открытую“—fashion, self-control, fair play,—вогь три качества необходимыя для того, чтобы имѣть право считаться истиннымъ джентльменомъ“.

Сэру Арчибальду нинѣ болѣе 80-ти лѣтъ. Но это еще очень бодрый и красивый старецъ, сохранившій утонченныя манеры, прекрасный желудокъ и хоро-

шаго портного. Онъ родился въ ту счастливую эпоху англійской исторіи, когда Великобританія отдыхала отъ своихъ многочисленныхъ побѣдъ, какъ на полѣ брани, такъ и за столомъ дипломатовъ. Англійская молодежь того времени была увѣрена въ своихъ силахъ и въ будущемъ своей родины; она пользовалась жизнью съ нѣкоторой безпечностью и со здоровымъ смѣхомъ оптимистовъ. Въ молодости своей онъ звалъ лично близкихъ друзей Джорджа Брайна Брюммея, тѣхъ изъ нихъ, которыхъ называли „коринѣянами“; встрѣчался въ Лондонѣ съ графомъ д'Орсъ, а въ Парижѣ присаживался въ Maison d'ot и у Тортона за одинъ столикъ съ Барбъ д'Оренианъ и Рокъ де Бонуаръ.

дства сэр Арчибальд неоднократно давал дружеские советы знаменитому в свое время Джону Вильямсону, основателю "Taylor and Suttler Magazine", а когда Оскар Уайльд вместе с Обри Бердслей стал издавать роскошный журнал, посвященный мужской моде и дэвидизму, журнал являющийся ныне большой библиографической редкостью, то сэр Арчибальд, под именем знаменитого дамского портного XVIII-го столетия Пажелла, издававшего весь "traits galants" время Людовика XV, написал в этом журнале несколько замечаний о трудном искусстве быть одетым, как настоящий дэвидизм!

Но подобно всем своим знаменитым предшественникам, сэр Арчибальд всегда возставал против распространения мифов, что дэвидизм есть лишь умные одеваться и что дэвид только диктатор или законодатель моды. На самом деле, настоящий дэвидизм это целая наука умной жизни, умная развивает характер и волю. Дэвидизм своего рода "состояние духа", "maitre d'etre", исключительно сотканная из иконок и процветающая, главным образом, среди утонченного, вполне цивилизованного и несколько пресыщенного общества, в котором ко всему относятся с легкой иронией и где нравственность только известная форма ивжливости, а лицемерие — дань порока добродетели...

Сам по себе вопрос о том, как надо быть одетым и что надо надеть, отходит у дэвид на второй план. Главное по его мнению, это уметь носить то, что на вас надето! Джордж Брюмель, например, никогда не придавал особого значения тому, какое платье было на нем надето, и портные Давинсон и Мейер, которых многие его современники считали создателями его славы, играли для него лишь второстепенную роль... Правда, Брюмель знал, что "по одежке встречают", а поэтому он всегда был одет корректно, хотя без всяких претензий. Он совершал свой туалет долго и тщательно, но после этого сейчас же забывал о том, что было на нем надето.

Такими образом, по мнению и Брюмеля и моего друга, сэра Арчибальда Сейлтона, можно оставаться дэвид и в старом поношенном платье!

Лорд Спенсер ходил одно время с одной фалдой на своем фраке и только несколько времени спустя отрезал ее и положил, таким образом, начало будущему смокингу... Но, как бы то ни было, дэвид не олицетворяет собой модную картинку и если процесс одевания его занимает, то лишь постольку, поскольку платье гармонирует с складом его души и иллюстрирует его настроение и мысли.

Я помню, с какой точностью и старанием мой благородный старый друг отфильтровывал все эти особенности. Он говорил:

— Оскар Уайльд был прав, когда утверждал, что становясь слишком современным, человек рискует быть крайне старомодным. На первый взгляд это кажется парадоксом. Но, подумавши хорошенько, поймешь, сколько истины скрывается в этих словах. Все это особенно важно, когда

имеешь в виду моду, где подражание бывает всего более опасным. Мы, англичане, делаем моду для нас самих. Мы берем толстые, хотя и мягкие материи "Harris tweeds", "homespun". Мы любим яркие цвета, носим практичную обувь и кроме все широко и так, чтобы было удобно... Все это потому, что мы народ спортивный, потому что мы любим простор и стараемся быть на воздухе, как можно больше и чаще, потому что у нас не достает света и мы стараемся помочь этому яркостью тонов нашей одежды. Но возьмите, например, парижанина: спортом он не занимается, на свежем воздухе бывает редко, в деревню не ездит, света у него и в городе достаточно, а между тем он берет цвета наших материй, покрывает наши платья, нашу обувь и наши привычки: выходить нигде смелее. Гнаться за модой, перенимать друг у друга последние мелочи туалета, — вот что сбавляет бы ни один дэвид моего времени, под страхом быть дисквалифицированным... Собственно, можно сказать, что действительно эlegantный человек это тот, кто проходит незамеченным в толпе. Но для этого требуется масса вкуса и много врожденного благородства, дающего возможность носить небрежно самые парадные одежды. Недостаточно, чтобы ваш пиджак, спортух или фрак только были надеты на вас, необходимо, чтобы они составляли вместе с вами нечто единое, сжившееся и приспособившееся к вашей фигуре...

— Затем, очень важно, чтобы каждый род платья отвечал своему назначению и чтобы вы пользовались своевременно. Для пиджака, жакета, спортуха и фрака есть определенные часы, в которые носить их бывает неестественно и, часто, даже очень смешно. Надо также знать, когда можно и нельзя надеть черный галстук к фраку, белый жакет к смокингу и т. п. — Это очень важно, — с иронической улыбкой продолжал мой друг.

— Можно дать волю личной инициативе и личному вкусу, если таковой имеется, в противном случае, не грех обратиться за советом. Конечно, портные или слобы не преищут вас осудить за то или иное отступление от последнего слова моды, но вы не обращайтесь на это внимания. А что портные и модники — страшный народ, вот вам пример из жизни Джона Вильямсона, бывшего в свое время крупной личностью в Лондоне. Он постоянно критиковал окружающую его жизнь под специальным портновским углом зрения. Так, однажды, после посещения выставки на Royal Academy он написал в издаваемом им журнале: "На портрете лорда Теминсона я не заметил ни одной пелли и ни одной пуговицы. Художник, который писал этот портрет, лишен всякого таланта". Или, возвращаясь как то раз из палаты лордов после бурного заседания, он воскликнул: "Спортух лорда Роберта Сескля скроен безобразно, он поднимается у него до самых ушей и не имеет никакого желания опуститься". Лорд Сесиль предмет пререния для честного портного...

Так говорят о фэшн-мэе благородный друг сэр Арчибальд Сейлтон.

Николай Браничевский.

Джордж Брайань Брюмель.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

ЭТО БЫЛО ДАВНО...

(Изъ записокъ балетомана).

Я началъ посѣщать балетъ, когда петербургская Терпсихора ютилась въ Большомъ театрѣ, который, съ огорченіемъ всѣхъ, помнящихъ его, превратился въ неуютную консерваторію.

Петербургъ лишился одного изъ красивѣйшихъ памятниковъ далекаго прошлаго. Балетоманы чувствовали себя первое время въ Марининскомъ театрѣ, какъ въ гостяхъ. Они привыкли къ закончившему шпакелю будеты Большого театра, гдѣ собирались въ антрактахъ. Это были ихъ клубы. Объ электрическомъ освѣщеніи тогда не мечтали. Въ зрительномъ залѣ, тѣмъ не менѣе, во время спектакля было свѣтло. Вспомните Онѣгина...

Всѣ ярусы окунавъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ.
Ужасно недоволенъ онъ...

Въ настоящее время онъ ничего бы не разглядѣлъ.

Между сценой и публикой первыхъ рядовъ и ближайшихъ къ сценѣ ложъ существовало общеніе, была какая-то связь. Терпсихора не пользовалась нынѣшней популярностью, она оставалась въ почетѣ лишь въ ограниченнаго кружка ея пламенныхъ и вѣрныхъ почитателей. Только съ появленіемъ Виржиніи Цукки началось широкое увлеченіе балетомъ.

Марининскій театръ, освѣщенный электричествомъ, мы увидѣли 9-го февраля 1886 года. Съ этихъ поръ, какъ только поднимался занавѣсъ, въ залѣ воцарялась тишина...

Многихъ будущихъ генералъ-адъютантовъ, адмираловъ, министровъ и командировъ, дивизій и корпусовъ я встрѣчалъ въ балетѣ еще молодыми. Слово сошъ, пролетѣло тридцать лѣтъ... Отягиваясь назадъ я не вѣрю: это какая-то сказка, какой-то именно сошъ изъ стараго романтическаго балета. А какіе волшебные и причудливые сны показывалъ намъ Мариусъ Петипа подъ музыку Пули и Минкуса, композиторовъ на жалованьи, вдохновлявшихся по приказанію директоровъ Императорскихъ театровъ!

На мѣстѣ маэстро Дриго, помахивалъ палочкой старецъ Пявковъ, который плакалъ горькими слезами, когда ему предложили, послѣ 45 лѣтъ службы, удалиться на покой.

Залъ въ дни балетныхъ спектаклей времени Цукки сдѣлался неузнаваемъ. Весь Петербургъ очутился здѣсь. Три дипломата не выходили изъ театра: итальянскій посолъ графъ Греппи, турецкій—Шакиръ-Паша и испанскій посланникъ маркизъ Кампо-Саградо. Скальковскій тогда еще, подтрунивая, называлъ ихъ „тройственнымъ союзомъ“.

Кого только не приходило въ балетѣ. Даже К. П. Побѣдоносцевъ заглянулъ сюда однажды! Въ то время бенефициантки и бенефицианты не назначали такихъ высокихъ цѣнъ на мѣста, какъ теперь, но практиковалась другая система: билеты разыскивались по особому списку, утвержденному опитными балетоманами, и было принято отагты съ преміемъ направлять на квартиры артистовъ. Кто попадалъ въ этотъ списокъ, тотъ получалъ билеты всегда.

Я помню, какъ биржевой маклеръ Гольденбергъ, создававшій погоду на биржѣ, прислалъ Цукки за кресло пятьсотъ рублей. Мало кто изъ посѣтителей перваго ряда посылалъ за кресло меньше ста.

Случались и курьезы. Списки жертвъ бенефициантовъ не провѣрялись, и одна итальянская балерина отправляла ложу генералу, который за мѣсяцъ до бенефиса скончался. Балетъ пропалъ. Началась переписка съ наследниками, которые, по утверженіи ихъ въ правахъ наследства, уплатили номинальную цѣну за билеты.

Ужинъ и банкеты въ честь балеринъ нѣсколько охладили балетомановъ. По раскладкѣ, съ каждаго изъ нихъ за ужинъ приходилось иногда по 150 рублей. Такой счетъ многимъ былъ не по душѣ. Большие всѣхъ протестовали К. А. Скальковскій.

Но что такое всѣ эти лужуловские пиры, по сравненію съ подарками, которые подносили въ концѣ прошлаго столѣтія. Напримеръ, Цукки подарила козле въ пятнадцать тысячъ рублей и бросъ въ пять тысячъ рублей; В. А. Никитиной не разъ подавали драгоценные камни, стоящіе не меньше...

Бриццъ подносили подарки въ 7-8 тысячъ рублей. Она получила въ одинъ изъ бенефисовъ бирюзу, раной которой по размѣру и качеству ювелиры не знали. Разсказывали, что эта бирюза была исторической.

Не забыла даже матери бенефициантки, которой прислали сотню дорогихъ сигаръ: она любила курить сигары...

Литература не оставалась чуждой балета: графъ А. Жасминювъ (В. П. Буренинъ) посвятилъ ему нѣсколько юмористическихъ блесковъ. С. А. Андреевскій привѣтствовалъ шуточнымъ стихотвореніемъ балерину Дель-Эру, причѣмъ по адресу другихъ итальянокъ говорилъ:

Но въ царство зефира
И въ роши снѣгидѣ
Имъ честная лапа
Вступать не велить.

А. Н. Бажежскій выступилъ съ поэмой, посвященной также Дель-Эрѣ. Поэма называлась „Антоньетта“. Балерина Леяни очаровала А. С. Суворина, заявившаго, что итальянка плясала „русскую“ превосходно и оригинально.

Критиками балета я засталъ К. А. Скальковскаго, камеръ-юнкера Н. М. Безобразова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Н. Похвиснева, С. Н. Худекова, Д. Д. Короновича и А. А. Гриневъ, мужа известной балеринѣ Е. О. Ваземъ. Гриневъ скончался до торжества итальянокъ. Изъ остальныхъ здравствуетъ только С. Н. Худековъ, оставшійся вѣрнымъ Терпсихорѣ и выступившій недавно въ сѣбѣ первый томъ серьезнаго труда о танцахъ и балетѣ всего міра.

Скальковскій, Безобразовъ и Похвисневъ—это были независимые фигуры театраловъ. Они часто перебранывались, ссорились, другъ друга вышучивали, но по настоящему любили танцы и понимали ихъ.

Направленіе критики въ балетѣ всегда было благожелательное. Въ этомъ отношеніи балетные артисты

дние артистов оперных и особенно драматических, о которых некоторые критики отзывались сбрежительно и даже оскорбительно. "Этот весь разнесет!"—приходилось слышать в театрах.

Изъ представителей литературы балетъ чаще других посещалъ П. Д. Боборыкинъ. Въ юности я встрѣчалъ въ балетѣ Некрасова и однажды былъ съ нимъ и съ его женой въ ложѣ. Они приглашали меня и въ оперу слушать Комиссаржевскаго.

Итальянки подвигали нашъ балетъ во всѣхъ отношеніяхъ: онѣ собирали публику, увеличили число адептовъ Терпсихоры и послужили образцомъ для русской танцовщицы, которая превзошла ихъ въ искусствѣ. Дорого мы заплатили итальянкамъ, но еще больше поплатились онѣ, потому что потеряли въ заграничной сценѣ, гдѣ первенствуютъ теперь русская танцовщица.

Первой, которая дала генеральное сраженіе итальянкамъ, была Кіесинская.

Она выиграла это сраженіе.

A. Parnovs.

О БЛАГОРОДНОМЪ СПОРТѢ.

Весь спортивный міръ обихъ пошушрѣлъ въ дикѣхъ въ болѣзномъ волненіи: предстоитъ грандіозный, давно ожидаемый матчъ на переносномъ міру между молодымъ, но уже прославленнымъ боксеромъ, французомъ Карпентомъ и извѣстнымъ мулатомъ Джокъ Диксонсомъ.

Еще задолго до дня, назначеннаго для этого состязанія, всѣ мѣста были разобраны въ каблукъ, по телеграфу и по почтѣ изъ Лондона, Нью-Йорка, Берлина и даже Петербурга были посланы въ Парижъ заказы на кресла и стулья въ 175, 100, 75 франковъ. Въ день матча въ Парижѣ состоялось большой съездъ всѣхъ извѣстныхъ и незнакомыхъ, "afficionados", этого новаго рода, "corridos", "коррида", мускуловъ, если можно такъ выразиться. Всѣ спортивные газеты мира имѣли своихъ представителей въ громадномъ помѣщеніи парижскаго "Луна-Парка", гдѣ состоялось сѣдѣніе, и въ предвѣщеніи бѣлаго часа телеграфъ и кабель были заняты передачей въ Австралію, въ Африку и въ Америку подробностей и результатовъ этого выдающагося состязанія.

Такое мировое утеніе боксерами—вѣдѣніе самыхъ послѣднихъ дѣлъ. Оно свидѣтельствуется прежде всего о силѣ кайнѣ и нравственной легеніи англо-саксонской расы. Боксера, этого чисто англійскаго вида спорта, имѣютъ лишь болѣзненные любители и горючие спорщики: не только въ германскихъ и латинскихъ странахъ, но и въ Россіи, несмотря на то, что у насъ онъ не получилъ еще оффиціального права на желательность. Конечно, въ этомъ увеличеніи есть болѣзнь дѣла, симбиозъ, тѣмъ же не менѣе, фактъ на лицо, что обыкновенной борьбой интересуются теперь, главнымъ образомъ, низшіе классы, "la populace" и что спортсмены изъ общества относятся совершенно равнодушно къ тому, кто кого, когда и какъ повоюетъ на лопатки.

Но боксера—это другое дѣло! Во-первыхъ, каждому боксеру-профессионалу будь онъ даже "colony man", можно положить руку и выпить съ нимъ стаканъ "whisky and soda", что неспроста съ обыкновенными бранцами, латинами, боксерскій языкъ пестритъ массой очень трудно произносимыхъ, но англійскихъ словъ, изреченій, не надо забывать, что въ Великобританіи боксера покровительствуютъ почти все англійскія аристократіи и что еще недавно на матчѣ между бомбардиромъ Уэллсомъ и Патъ О'Кифъ въ "Regent's Park Betsack" присутствовалъ самъ король Георгъ...

Боксера имѣетъ свою исторію и традиціи.

Сексомъ и матчъ боксера посѣщались въ свое время всѣми англійскими лордами съ великимъ Бриксмислемъ во главѣ. Боксера называется въ Англии "благороднымъ" спортомъ. Несмотря на избитые глаза, прилаженные носы и выбитые зубы, какъ въ Испаніи настоящие "aficionados" же видятъ кровь, также и въ Англии любители боксера не замѣчаютъ подобныя мелочи.

Конечно, и въ Англии существуютъ противники этого спорта, но это люди, болѣею частью "любящіе воду" и принадлежащіе къ "Fabian Society". Они ничего не сдѣлали для великаго Великобританіи, и въ наше время, когда столь важную роль въ жизни человѣка играютъ сытость, рѣшимость, умѣнье быстро собраться и владѣть собой, качества столь прекрасно развиваемыя боксомъ, они подобно жалкому Андроку, надъ которымъ побѣдилъ еще не столь давно Бернульцъ Шейеръ.

Англичане въ этомъ спортѣ цѣнятъ и то, что онъ подготавливаетъ сильныхъ, здоровыхъ и красивыхъ людей. Хорошо сложенный боксеръ вымываетъ средѣ англійцевъ то, же чуждо эстетическаго восторга и наслажденія, какое другіе спортсмены получаютъ при видѣ породистой лошади, а эстетъ презръ анормальной статуей Аполлона.

Но такого сорта наслажденія могутъ испытывать только карлики, привыкшіе къ открытому воздуху и разнаго рода тысячелѣтніе упражненія, привыкшіе постоянно видѣть полубоубижающаго тѣла въ позахъ борьбы и усилія, однимъ словомъ, къ тому, что лорды и имѣютъ постоянно передъ своими глазами греки въ старину, англичане въ наше время. Намъ до этого еще далеко: забыли, вѣрно куда-то съдѣлали, мы забыли въ "le mouvement qui déplace les lignes", какъ говорилъ еще Боксеръ.

Но, несмотря на то, что боксера—спортъ чисто англійскій, его неслыханно, хотя и очень жалованій экспансію, извѣстнаго нѣмъ на континентѣ и отчасти у насъ въ Россіи. Нѣкоторые терпѣны еще не дошли до уха толпы, тѣмъ же не менѣе, посѣтители и члены нашихъ спортивныхъ обществъ ухватятъ уже означенныя "seems" отъ "upright" и знаютъ, что боксера, начинающій слабѣе, можетъ считать себя "groggy".

Хуже обстоитъ дѣло съ самой исторіей англійскаго боксера. А между тѣмъ, она была во все времена чревата яростностями и изобиловала великими ниспадами. Восстанавливая столѣтіе прославленное именемъ великаго Фитча девадизмаса—именемъ Джона Корбетта, Боба Фитча Симмонса и Томаса Беркса, а также начинающій вѣкъ знаетъ также знаменитыхъ боксеровъ, какъ Джекъ Диксонсъ, Джекъ Джеффрисъ, Джоржъ Карпентъ, не говоря уже о разныя Пенксъ, Ленсанъ и т. п. Но какой боксера, достойный этого имени, ходя въ "ring", мечтастъ, если не превзойти, то хотя сравниться съ этимъ симбиозомъ.

Глобаториера.

Комитетская
лежа.

Въ публикѣ.

Гоня франъ Зонъ.

П.Тр.

А.Бертенъ.

П.Родзянко.

А. Родзянко.

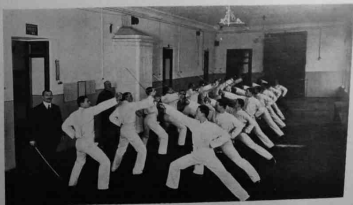
Н. Н. Евреиновъ

Concours Hippique 1914. (Шарж Поля Робера).

1. Д. М. Изанежко. 27. В. Д. Парфенов. 52. Ю. А. Шаровский-Шимитов. 20. Н. Е. фань-Зонг.

Праздникъ спорта въ
 Морскомъ Кадетскомъ
 корпусѣ.
 Фехтованіе
 гардемаринъ.

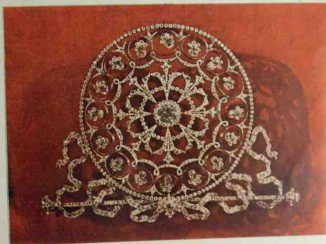

Среды преемственности: камерг. Г. П. Каронов, назв. Казакевич, фанг-элейт, полк. М. А. Шивайский, полк. А. И. Арпюев, полк. Д. Лавова, каз. Гусю Сова, Моспюев, ген-лейт. М. А. Лерснштейн, бар. Сидя-фон-Готштейн, каз. Гусю. Думи-Тезельваз, штабн. А. Н. Трубников, ген-лейт. Г. П. Ермолотов, ген-от-кабл. Н. В. Варшавский, штаб-от-кабл. А. Кузнецов-Кара-каев, штабн. Вольмарский, ген-лейт. В. А. Шкмадер (6. америк. корпус), ген-м. Н. И. Усоти (директ. корпус), каз. А. М. Ланской, ген-м. Бельгард, ген-лейт. Г. Г. Христианин, П. Ф. Денисов, ген-м. гр. Граббе, ген-м. каз. Мезикова, ген-м. Воеводин, полк. А. А. Петров.

W/c Progr.

Ожерелье—рогъ изобилія изъ мелкихъ брилліантовъ, съ впадающими изъ него цвѣтками съ 2 крупными старинными брилліантами.

Диадема брилліантовая въ стилѣ „Empire“.

Большая брилліантовая брошь съ 3 большими и мелкими рубинами.

Охота на медведей в Новгородской губ., в Валдайском уезде, вблизи имения „Римно“ Р. О. Висмонда. Около убитого медведя стоят известные охотники-медвежатники Р. О. Висмонд и В. А. Лучинский.

* * *

Между прочим, интересно привести справку, что первым охотником на медведей в России вполне заслуженно считается князь Ширинский-Шихматов, теперешний Саратовский губернатор:

онъ убилъ уже больше 200 медведей. Второе мѣсто принадлежитъ графу Потоцкому, убившему приблизительно такое же количество.

* * *

Медвежья охота—удовольствие весьма не дешевое, такъ какъ помимо всѣхъ прочихъ расходовъ по организаціи охоты, приходится платить за каждую берлогу отъ 300 до 400 руб. тому, кто ее найдетъ.

Лосняки охота в Новгородской губ., Валдайского уезда, вблизи имения „Римно“.

